

Андрей Кононов

ПАРОМ

Андрей Кононов

Паром

<https://litres.ru/74365737>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семейная хроника поволжских немцев, растянувшаяся на десятилетия и тысячи верст. От мирных поволжских деревень середины XIX века до грохота орудий Порт-Артура и катастрофы 1917 года. Это история русского офицера немецкой крови, чья жизнь прошла в походных чемоданах и на полях сражений. Служа верой и правдой новой родине, он потеряет её вместе с крушением империи. Когда рушится страна и распадается армия, крестный путь семьи замыкается там же, где начинался — в заграничном изгнании.

Содержание

Глава первая	11
Глава	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Кононов

Паром

* * *

Утро было многообещающим. Прохлада струилась из приоткрытого окна. Она проникала вглубь вместе с ароматами благоухающих цветов. Чувствовалось, что день будет жаркий, но сейчас в эти утренние часы было ощущение рая. Каким его, конечно, можно себе представить.

Умывшись, пришлось потратить некоторое время на обдумывание завтрака, но ничего лучшего, чем дежурная яичница с беконом, не придумалось. Покончив с утренним ритуалом, я спустился в гараж и решительно поменял полумрак, царящий там, на яркий солнечный день, требовательно стучащийся в ветровое стекло.

Ехать было недалеко — до ближайшего магазина, где надо было закупить провизии с учетом сегодняшнего вечернего мероприятия. Ничего необычного — просто субботне-вечернее барбекю с разминкой в бассейне. Ехать было и правда минут 10. Но это если по обычной дороге. Мне вдруг вспомнился другой маршрут, которым я ехал всего один раз и к тому же давным-давно. Дело в том, что в любом варианте надо было пересечь маленькую реку и по обычной дороге это делалось с помощью моста, а вот другой вариант предлагал пересечь речку на пароме. Паром был мизерный — на 2-3

машины, не автоматизированный, то есть с паромщиком и ручной тягой. Стоил сушие гроши. И вот сегодня, расслабленный этим замечательным утром, я решил попробовать найти тот паром. Да и существует ли он ещё?

Оказалось, существует и пользуется спросом. Пришлось простоять в очереди, ожидая два «заплыва». И вот мы на качающейся палубе. Солнце, легкий ветерок, речушка прячется под ветвями деревьев, создающих тень, что и понятно — ширина этой «водной глади» всего-то несколько метров.

Вот и другой берег. Швартовка, небольшое ожидание. И странное дело — вместо яркого солнечного дня мы оказываемся в плотном и почти совсем непрозрачном тумане! Почти наощупь съезжаю на берег. Впереди идущая машина куда-то исчезла. Останавливаюсь, от греха подальше, выхожу из машины. Делаю осторожный шаг вперед, чувствуя, как под ногами хрустит влажный гравий. Туман плотный, словно живая стена, но постепенно редет, обнажая смутные очертания улиц. Я ожидал увидеть знакомый берег, возможно, пару домиков, но вместо этого передо мной открылась картина, которой не могло быть.

Дома стояли в странном порядке: будто кто-то взял куски разных эпох и сложил их вместе. Слева — массивное здание с арочными окнами, напоминающее купеческий особняк позапрошлого века. Чуть дальше — облупленный фасад советской пятиэтажки, а за ним деревянные избы с узор-

ными наличниками, как на старых фотографиях. Над всем этим висела застывшая тишина.

Люди. Они были повсюду. На крыльце дома, у колодца, просто на мостовой. Стояли или неспешно двигались, но казалось, что они не живые, а лишь образы, запечатлённые в застывшем времени. Их одежда была разная — кто-то в длинном сюртуке и старомодной шляпе, кто-то в простом деревенском сарафане, а кто-то и вовсе в знакомом полинялом свитере.

Во рту пересохло, утренней неги не осталось совсем. Холодок пробежал по спине. Я не знал этих людей, но странным образом ощущал их близость. Среди них были те, кого я помнил, и те, чьи лица почему-то отзывались эхом в моем сознании, хотя я был совершенно уверен, что никогда их не встречал.

Туман окончательно рассеялся, и этот странный город открылся передо мной во всей своей странной, застывшей красоте.

Я не сразу понял, что именно меня тревожит.

Дома были разные. Люди тоже. Но не это.

Не было ни одной машины. Ни звука двигателя. Ни хлопнувшей дверцы. Ни далекого гула дороги, к которому человек настолько привыкает, что перестает его замечать. Стояла тишина, не мертвая, а обычная городская тишина раннего утра. Только почему-то без машин.

Я машинально обернулся.

Паром еще не успел далеко отойти. Паромищик неторопливо сматывал канат, словно выполнял привычную работу уже много лет. Я поднял руку.

— Эй!

Он никак не отреагировал.

— Эй! Подождите!

Паром медленно удалялся, и мне вдруг показалось, что он становится все менее отчетливым. Не быстрее, а именно менее отчетливым, словно растворялся в утреннем воздухе.

«Ладно, — сказал я себе. — Значит, есть другая дорога».

Эта мысль успокоила.

Я снова повернулся к городу.

Теперь я заметил людей. Их было немного. Пожилая женщина закрывала ставни второго этажа. Мальчишка катил по улице деревянный обруч. Мужчина в темном костюме остановился у витрины книжной лавки.

Никто не смотрел на меня. Именно это оказалось самым странным. В любом незнакомом месте появление чужого человека вызывает хотя бы любопытство. Здесь — ничего. Будто я существовал в этом городе всегда.

Я сделал несколько шагов по улице.

За спиной негромко прозвучал спокойный мужской голос:

— Простите... вы, кажется, впервые здесь?

Я не ответил незнакомцу сразу. Не потому, что испугался. Просто вопрос прозвучал так буднично, словно человек поинтересовался, который час.

— Да... наверное, впервые.

Мужчина кивнул, будто услышал именно то, что ожидал услышать.

— Это всегда заметно.

Он сказал это без улыбки, но и без тени превосходства. Так разговаривают с приезжим, который впервые оказался в незнакомом месте.

— Простите, а как называется этот город?

На этот раз он посмотрел на меня с искренним удивлением.

— Никак.

— В смысле?

— Никак. Мы никогда его не называли. Когда живешь в одном месте, название не очень нужно.

Ответ был настолько нелепым, что я даже не нашелся, что сказать.

Мужчина снял шляпу.

— Прошу простить. Совсем забыл представиться.

Он назвал свое имя. Я машинально повторил его про себя и через секунду понял, что уже не могу вспомнить ни единого звука. Словно память аккуратно стерла только что услышанное. Это произошло впервые за сегодняшний день, и именно тогда мне стало по-настоящему не по себе.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросил он.

— Нет... Просто странное утро.

— Здесь у многих первое утро бывает странным.

Он произнес это так спокойно, что я опять не понял, что именно в его словах должно было насторожить.

Я пошел наугад.

В любом незнакомом городе сначала ищешь не достопримечательности, а что-нибудь понятное. Площадь. Почту. Полицейский участок. Любой ориентир, за который можно зацепиться.

Улица плавно вывела меня к небольшой площади. Посередине журчал фонтан. Самый обыкновенный. Вода стекала по потемневшему камню, и двое мальчишек, усевшись на бортик, спорили о чем-то с таким жаром, будто от этого зависела судьба мира.

— Не мог он туда попасть! — сердился один.

— Мог. Просто ты плохо помнишь, — лениво возражал второй.

Они говорили так естественно, что я невольно улыбнулся. Если это сон, то он обладал удивительным чувством бытовых подробностей.

На площади пахло свежим хлебом. Из открытой двери булочной выходили люди с бумажными пакетами. Один мужчина на ходу отломил горбушку, как делают тысячи людей по дороге домой. Я вдруг поймал себя на нелепой мысли: если здесь пекут хлеб, значит, кто-то встает затемно, разводит печь, месит тесто. Даже в самом странном месте на свете кто-то должен просыпаться раньше других. От этой мысли стало легче.

Я поискал глазами вывеску с названием улицы. Она была. Но на эмалированной табличке значилось только одно слово: «Главная».

Без названия города. Без района. Без номера квартала. Просто «Главная».

Я усмехнулся.

— Очень смешно...

— Что именно?

Я вздрогнул. Рядом стоял тот самый мужчина. Казалось, он вовсе не следовал за мной. Скорее мы снова случайно встретились. Сейчас я внимательнее пригляделся к незнакомцу. Одет он был странно, я бы предположил, что он отбился от какого-то фольклорного ансамбля. Короткие, до колен кожаные штаны, однобортная жилетка поверх белой рубахи. И венчала это убранство широкополая черная шляпа. Из под шляпы выглядывала густая черная с проседью борода.

Видимо я слишком внимательно и нахально глазел на него, поэтому он, как бы снизойдя к моему любопытству, сказал:

— Я из Поволжских немцев, слыхали о таких?

И не дожидаясь ответа продолжил:

— Иоганн Шмидт!

Глава первая

Северная Германия. Зима 1848/49 года.

Повозка опрокинулась с таким треском, что Иоганн сперва решил: у дороги рухнула старая ива.

Потом закричала женщина.

Он бросил охапку дров возле сарая и выбежал за ворота. На повороте, где дорога шла вдоль замёрзшего ручья, лежала на боку повозка Бауэра. Одно колесо торчало вверх и ещё медленно вращалось. Второе провалилось у самого берега; под ободом темнела вода, а лёд вокруг расходился белыми ломкими полосами. Лошадь билась в постромках, пыталась подняться и снова падала на передние колени. Оглобля прижала её к земле.

— Фридрих! Карл! — крикнул Иоганн, уже сбегая с дороги.

Сыновья выскочили следом, не успев надеть тулупы. За ними появился Адольф, а в воротах остались Генрих и Вильгельм. Анна крикнула младшим, чтобы не смели приближаться к ручью, и сама побежала к повозке, подбирая юбку над снегом.

Бауэр стоял по колено в рыхлой каше у берега и тянул лошадь за узду. Лицо у него было в снегу, из рассечённой губы текла кровь.

— Марта с девочкой? — спросил Иоганн.

Бауэр мотнул головой в сторону кустов. Его жена сидела в снегу, прижав к себе дочь. Девочка плакала без голоса, только широко открывала рот. Подол её платья потемнел от воды.

— В дом их, — сказал Иоганн Анне. — Скорее.

— Сама вижу.

Анна наклонилась к Марте, помогла ей подняться и почти силой отняла ребёнка. Девочка была лёгкая, но мокрая одежда тянула вниз. Анна прижала её к себе, закрыла полрой платка и пошла к дому. Марта, пошатываясь, двинулась рядом.

Лошадь снова дёрнулась. Ремень на груди натянулся так, что кожа закрипела. Оглобля ударила о лёд.

— Перестань тянуть! — крикнул Иоганн Бауэру. — Задушишь её.

— Она ногу ломает.

— Если уже не сломала.

Иоганн опустилсч возле лошади. Та косила на него белым глазом, хрипела и била задними ногами. Подойти к пряжке мешала оглобля; чтобы приподнять её, требовалось сперва разгрузить повозку.

— Фридрих, тащи жердь от нашей изгороди. Самую толстую. Карл, снимай мешки. Только со стороны дороги.

Фридрих побежал, не спрашивая зачем. Карл ухватилсч за первый мешок, свесившийсч с опрокинутого борта. Мешок оказался тяжелее, чем он ожидал. Карл потянул его на себя, поскользнулся и сел в снег, удержав груз на груди.

— Не всё сразу, — сказал Иоганн.

— Я и не всё.

— Тогда тебе особенно повезло.

Карл сердито спихнул мешок в сторону и полез за следующим. Бауэр попытался помочь, но Иоганн остановил его:

— Держи голову. Не дай ей перевернуться.

Вернулся Фридрих, волоча жердь. Один конец цеплялся за снег и оставлял глубокую борозду. Они втроём подсунули жердь под оглоблю. Иоганн навалился плечом. Дерево подалось едва заметно, зато лошадь почувствовала движение и забилась ещё сильнее.

— Стой! — крикнул Бауэр, будто она могла его понять.

Копыто ударило рядом с рукой Иоганна. Он отшатнулся.

— Ремень надо снять, — сказал Фридрих.

— До пряжки не достать.

Адольф всё это время стоял с другой стороны повозки и смотрел под неё. Между накренившимся кузовом и лошадыю оставалась узкая щель. Взрослому там было не пройти.

— Я достану.

Иоганн резко повернулся:

— Куда?

— Пряжка с моей стороны.

— Там копыта.

— Я вижу.

— Значит, стой где стоишь.

Адольф присел и всё-таки полез под оглоблю.

— Адольф!

Он уже лежал на животе, вжимаясь в снег. Куртка задралась на спине, шапка свалилась. Лошадь дёрнула ногой; мальчик замер, прикрыв голову локтем. Копыто скользнуло по льду и ударило в деревянный борт.

— Назад! — крикнул Иоганн.

— Сейчас.

— Я сказал — назад.

— Ремень затянуло.

Голос у Адольфа дрогнул, но он пополз дальше. Иоганн выругался вполголоса и навалился на жердь всем весом.

— Фридрих, сюда. Карл, мешки потом — держи оглоблю. Бауэр, прижми ей голову к снегу.

Дерево поднялось на несколько дюймов. Адольф просунул руку к пряжке. Пальцы скользили по мокрой коже. Он потянул язычок, не справился, перехватил ремень обеими руками. Лошадь рванулась. Что-то металлическое ударило его по кисти.

Адольф вскрикнул и отдёрнул руку.

— Вылезай!

Вместо ответа он снова ухватился за пряжку. На этот раз ремень поддался. Конец выскочил из петли, хлестнул по снегу, и лошадь разом получила свободу. Она дёрнула передними ногами, перевалилась на бок и попыталась встать.

— Теперь назад! Быстро!

Адольф выкатился из-под оглобли. Иоганн схватил его за

ворот и оттащил к дороге. В ту же секунду лошадь поднялась. Одна постромка ещё волочилась за ней; Бауэр повис на узде, успокаивая животное.

Иоганн опустилсЯ рядом с сыном.

— Руку покажи.

— Потом.

— Сейчас.

— Целая.

Адольф спрятал кисть за спину и поднялся. На лице у него смешались страх, злость и стыд за то, что отец заметил страх. Иоганн уже открыл рот, но Бауэр позвал от повозки:

— Иоганн, лёд идёт!

Трещина под колесом стала шире. Вода медленно заливала след от обода. Если повозка сползёт ещё на пол-локтя, вытаскивать её придётся из ручья.

— Потом разберёмся, — сказал Иоганн сыну. — Фридрих, за второй жердью. Карл, не тащи мешки куда попало. Складывай у обочины. Адольф, в дом.

— Я могу помочь.

— С одной рукой?

— Она целая.

— Тем более покажешь матери, пока не перестала быть целой.

Адольф остался стоять. Иоганн посмотрел на него, затем на уходящую под воду повозку.

— Держи лошадь. Подальше от задних ног.

Этого оказалось достаточно. Адольф взял повод и отвёл животное к дороге.

В доме Анна уже стянула с девочки мокрые чулки и поставила её ногами на сложенное возле печи шерстяное одеяло. Марта сидела на лавке, завернувшись в платок Анны. Её трясло. На полу растекалась вода, таял занесённый сапогами снег. Генрих принёс поленья, Вильгельм пытался подвинуть к печи тяжёлую скамью и только мешал брату.

— Оставь, — сказала Анна. — Лучше принеси сухую рубаху. Ту, что возле сундука. И не стой на дороге.

Вильгельм убежал. Генрих открыл заслонку, подбросил в печь дров и раздул угли. Пламя поднялось, в комнате запахло горячей смолистой корой. К запаху дыма примешивались мокрая шерсть, лошадиный пот, сырость чужой одежды.

Анна растирала девочке ступни полотном. Кожа была белой и холодной.

— Болит? — спросила она.

Девочка кивнула.

— Хорошо. Значит, чувствуешь.

— Повозка... — начала Марта.

— Повозку поднимут.

— Там мука.

— Мука подождёт.

Анна подошла к окну. Стекло запотело; она протёрла его краем рукава. У ручья двигались тёмные фигуры. Иоганн стоял по колено в снегу и командовал сыновьями, словно вы-

таскивал повозки из воды каждую неделю. В какой-то момент он лёг плечом на жердь, и Анна стиснула губы.

— Под колёса его когда-нибудь затянет, — сказала она. Марта посмотрела на неё испуганно.

— Если бы он не пришёл...

— Я знаю.

Анна ещё раз вытерла стекло, хотя оно почти сразу снова затянулось паром.

Повозку подняли не сразу. Сначала выгрузили оставшиеся мешки, потом подложили под провалившееся колесо жерди и доски, которые Генрих с Вильгельмом притащили от сарая. Бауэр запряг лошадь заново. Та прихрамывала, но нога оказалась цела. Когда колесо наконец вышло на твёрдый снег, Карл закричал так, будто в одиночку одолел и повозку, и ручей.

— Ещё громче, — сказал Иоганн. — В соседней деревне пока не знают.

Фридрих засмеялся. Карл посмотрел на отца, потом тоже не выдержал.

Домой они вернулись мокрые, красные от холода и усталые. Анна встретила их в дверях и сразу увидела руку Адольфа. Кисть распухла, кожа возле большого пальца была содрана.

— Целая? — спросила она.

Адольф бросил быстрый взгляд на отца.

— Целая.

— Тогда будет особенно легко держать её над тазом.

Она усадила его возле стола, смыла кровь тёплой водой и стала перевязывать. Адольф морщился и старался смотреть в сторону.

— Я сам могу.

— Вижу, как ты можешь.

— Там ремень затянуло.

— И поэтому надо было сунуть руку под копыта?

— Иначе лошадь бы...

— Тише сиди. Мне не лошадь перевязывать.

Иоганн снял промокший тулуп и повесил ближе к печи. Анна даже не посмотрела на него.

— А ты, — сказала она, закрепляя повязку, — мог найти кого-нибудь поменьше собственного сына?

— Я его не посылал.

— Это меня очень утешает.

Бауэр хрипло рассмеялся. Рассечённая губа тут же заболела, он прижал к ней пальцы.

— Не смейся, — сказала Марта. — На себя посмотри.

За столом стало тесно. Анна поставила капусту, нарезала хлеб, принесла кружки с горячим молоком. Бауэры собирались уйти сразу, но девочка ещё дрожала, а одежда возле печи оставалась влажной. Пришлось ждать.

Каждый рассказывал происшествие по-своему. Карл утверждал, что повозка пошла вверх только после того, как он подставил плечо под борт. Фридрих напомнил, что в это

время Карл держал жердь с другого конца. Вильгельм уверял, будто слышал треск льда раньше всех, хотя не выходил за ворота. Генрих сказал, что от его досок было больше пользы, чем от криков обоих братьев.

— Я хотя бы не бегал с одной доской туда и обратно, — возразил Карл.

— Потому что тебе не доверили доску.

— Мне доверили повозку.

— Повозка об этом не знала.

Иоганн откинулся к стене и засмеялся. Напряжение, которое всё ещё держало плечи, отпустило. Карл хотел обидеться, но Бауэр поднял кружку:

— За человека, который один поднял мою повозку.

Теперь засмеялись все, даже Анна. Адольф тоже улыбнулся, хотя продолжал держать перевязанную руку на коленях, чтобы её не задели.

— Смейтесь, — сказал Карл. — Весной сами увидите, кто умеет грузить телеги.

— Весной? — переспросил Иоганн.

Бауэр перестал улыбаться. Он провёл пальцем по краю кружки.

— Крюгеры собираются уезжать. И Гофманы, кажется, тоже.

— Куда?

— В Россию. Крюгер уже договаривается насчёт скота. Сегодня от него и ехал.

В комнате ещё пахло мокрой одеждой, на полу темнели следы сапог, дети тянулись через стол за хлебом. Но разговор изменился. Анна поставила нож рядом с доской и посмотрела на мужа.

— Давно решили? — спросил Иоганн.

— Крюгер говорит, что решил. Его жена говорит иначе. Значит, пока как у всех.

— А Гофманы?

— Письмо получили от родни. Собираются к пастору завтра.

Бауэр говорил буднично, будто речь шла о весеннем севе. Потом взглянул на лежавшую у печи одежду дочери и добавил:

— Я тоже пойду послушаю.

Больше эту тему при детях не продолжали. Когда платье девочки подсохло, Анна помогла ей одеться. Бауэр оставил повозку во дворе Шмидтов: треснувший борт нужно было чинить, а в темноте тащить её дальше не имело смысла. Он посадил дочь на лошадь, Марта пошла рядом.

У ворот Бауэр задержался.

— Спасибо, Иоганн.

— Завтра заберёшь мешки.

— Я не о мешках.

Иоганн кивнул. Они пожали друг другу руки, и Бауэр повёл лошадь по дороге.

Дом снова наполнялся привычной тишиной постепенно.

Анна собрала мокрые тряпки. Фридрих и Карл вынесли скамью на место. Младшие ещё спорили, кому позволили стоять ближе к воротам, пока мать не отправила обоих наверх. Адольф устроился у печи, положив больную руку на колено.

Иоганн выдвинул тугой ящик стола и достал письмо.

Бумага уже размягчилась на сгибах. Некоторые строки он знал наизусть, но после слов Бауэра письмо стало выглядеть иначе. Ещё утром оно было голосом одного человека, уехавшего два года назад. Теперь оказалось, что к тому же голосу прислушиваются в соседних домах.

— Опять Мюллер? — спросил Карл.

Иоганн положил письмо на стол.

— Опять.

— Тогда прочитай вслух, — сказал Фридрих. — Всё, а не только про урожай.

Анна села напротив. Она устала, волосы выбились из-под чепца, на рукаве осталось влажное пятно от одежды девочки. Иоганн развернул лист и начал читать.

Мюллер писал, что второй год живёт в немецкой колонии на Волге. Земляки помогли ему найти пустующий двор и договориться о земле. Первую зиму он провёл тяжело, зато урожай вышел лучше, чем он ожидал. Теперь у него были две лошади, корова и крыша, которую до осенних дождей следовало перекрыть заново. Если Шмидты решатся на дорогу, он обещал встретить их и помочь устроиться. Готового хозяйства не обещал. Писал только, что свободные дворы

поблизости ещё есть и человеку с руками работа найдётся.

Иоганн дочитал до конца. Некоторое время слышно было лишь, как в печи оседает полено.

— А лес там есть? — спросил Генрих с лестницы.

Анна подняла голову:

— Ты почему не в постели?

— Я воду хотел.

— Вода наверху.

— Я уже спустился.

— Тогда пей.

Генрих подошёл к столу, налил воды и остался возле лавки.

— Так есть лес? — повторил он.

— Мюллер пишет, что лес дорогой, — ответил Иоганн.

— А из чего дом строить?

— Из того, что найдём.

Сверху показался Вильгельм.

— А собаку можно взять?

— Нельзя, — сказала Анна. — Потому что вы оба сейчас вернётесь в постель.

— Я про Россию.

— Россия подождёт до утра.

Мальчики неохотно ушли. Карл проводил их взглядом.

— Если Мюллер всё так хорошо устроил, зачем ему мы?

— Он зовёт не нас одних, — сказал Иоганн. — Пишет, что в колонии нужны люди.

— Тем более.

— Что тем более?

— Может, там никто не хочет оставаться.

Фридрих покачал головой:

— Тогда он написал бы, чтобы мы не ехали.

— В письмах легко написать что угодно.

— Мюллер не станет лгать, — сказал Иоганн.

Анна разгладила край полотенца, лежавшего перед ней.

— Лгать — нет. Промолчать может.

Карл сразу повернулся к ней:

— Вот.

— Не радуйся. Ты тоже молчишь, когда разбиваешь что-нибудь во дворе.

— Я ничего не разбивал.

— Сегодня нет.

Адольф тихо хмыкнул. Карл бросил на него недовольный взгляд.

Анна коснулась письма кончиком пальца.

— Если там так хорошо, почему он зовёт нас только теперь?

Иоганн перечитал последние строки.

— Пишет, что хотел сперва сам встать на ноги.

— Это разумно.

— Да.

— Но мы всё равно знаем только то, что он решил написать.

Иоганн сложил письмо. Вопрос Анны был неприятен именно потому, что ответа не требовал. Мюллер мог быть честен в каждом слове и всё же не рассказать о многом.

Фридрих придвинул к себе пустую миску.

— А если остаться?

Карл усмехнулся:

— Будем и дальше пахать чужое поле.

— Сейчас тоже живём.

— Живём. До следующего платежа.

— Хватит, — сказал Иоганн.

Карл замолчал, но взгляд не отвёл. За последние два года семье дважды пришлось занимать зерно для посева. Осенью владелец земли поднял плату, хотя урожай оказался хуже прежнего. Весной предстояло снова выбирать: оставить зерно на еду или отдать в землю, надеясь на летний дождь.

— Сколько мы должны? — спросил Фридрих.

— Столько, сколько должны, — ответила Анна.

— Я уже не маленький.

— Поэтому и не задавай вопросов, на которые отец не хочет отвечать при младших.

Иоганн посмотрел на жену. Она знала сумму не хуже его. Знала и то, сколько останется, если весна снова будет холодной, а лето сухим.

Адольф поднял перевязанную руку.

— На каком языке там говорят?

— В колонии — по-немецки, — сказал Иоганн. — Вокруг

— по-русски.

— Ты знаешь хоть одно русское слово?

— Нет.

— А Мюллер?

— Теперь, наверное, знает.

— Как мы спросим дорогу?

Карл пожал плечами:

— Покажем рукой.

— А если покажут не туда?

— Тогда виновата будет твоя рука.

Адольф взглянул на повязку.

— Эта как раз не покажет.

Фридрих рассмеялся. Даже Анна улыбнулась, но тут же велела Адольфу идти спать. Он поднялся, придерживая больную кисть другой рукой.

— Отец.

— Что?

— Если там нет леса, дом всё равно самим строить?

— Самим.

Адольф кивнул, словно получил ответ на главный вопрос вечера, и ушёл наверх.

Иоганн убрал письмо в ящик.

— Завтра поеду к пастору.

— Вместе с Бауэром? — спросила Анна.

— Там уже собираются люди. Послушаю, что знают они.

— А потом?

— Потом вернусь домой.

Она посмотрела на него поверх стола, но больше ничего не спросила.

* * *

Утром мороз окреп. За ночь колеи затянуло тонкой коркой, и полозья скрипели по снегу так громко, будто рядом шла ещё одна невидимая повозка.

Иоганн выехал затемно. Бауэр сидел рядом, придерживая варежкой разбитую губу. Лошадь после вчерашнего прихрамывала, поэтому взяли кобылу Шмидтов. Она шла ровно и время от времени фыркала, выбрасывая облака пара.

— Марта ночью спала? — спросил Иоганн.

— Спала. Девочка тоже. Утром уже просила есть.

— Значит, обошлось.

— Обошлось.

Бауэр помолчал, затем потрогал языком рассечённую губу.

— Повозке хуже.

— Борт заменишь.

— Заменю. Если понадобится.

Иоганн повернул голову:

— Уже решил?

— Я вчера чуть жену с ребёнком не утопил возле собственного дома. Какие уж тут решения.

— Одно с другим не связано.

— Знаю. А всё равно кажется, будто связано.

На крыльце пасторского дома стояло шесть пар сапог, оставивших на досках мокрые следы. В сенях пахло овчиной и растаявшим снегом. Из комнаты доносились голоса; кто-то говорил громко и сердито, не давая другим вставить слово.

Пастор Клаус посадил Иоганна и Бауэра возле печи. На столе лежали письма, карта и несколько исписанных листов. Вокруг сидели знакомые хозяева из деревни и соседних селений.

Крюгер, сухой человек с длинной шеей, уже продал часть скота и доказывал, что ждать больше нечего. Вагнер, державший лучшие поля у восточной дороги, отвечал, что Крюгер торопится из-за долгов и хочет выдать нужду за убеждение. Гофман рассказывал о русской земле так уверенно, словно вчера вернулся оттуда, но при вопросах о собственном отъезде сразу вспоминал о больной матери.

— Земля и здесь есть, — сказал Вагнер.

— Здесь она не твоя.

— А там уже твоя?

— Брат договорился через колонию, — вмешался Крюгер.

— Купил землю? — спросил пастор.

— Взял.

— В аренду?

Крюгер помедлил.

— Наверное.

Клаус отложил письмо. Он выглядел усталым; судя по всему, этот разговор шёл уже не первый день.

— Никто не выдаёт вам готовых хозяйств, — сказал он. — Никто не обещает оплатить дорогу. В старых письмах встречаются рассказы о помощи первым переселенцам, но вы едете теперь и на других условиях. Родственники и земляки могут найти место, помочь с жильём, свести с человеком, который сдаёт землю. Остальное зависит от денег, рук и удачи.

— Удача нужна и здесь, — сказал Бауэр.

— Здесь хотя бы известно, какая.

Крюгер постучал пальцем по столу:

— Я знаю одно: ещё один такой урожай — и хозяин заберёт всё сам. Вместе с моим знанием местной удачи.

Вагнер нахмурился:

— А в России неурожаев не бывает?

— Бывают.

— Болезней?

— Бывают.

— Тогда зачем тащить детей через море?

— Затем, что там у них хотя бы будет возможность начать.

— Начать что?

Крюгер открыл рот, но ответа не нашёл. Пастор пододвинул ему письмо.

— Вот твой брат. Читай то место, где он пишет о первой зиме.

Крюгер не взял лист.

— Я читал.

— Тогда не пропускай его, когда рассказываешь осталь-

НЫМ.

Разговор снова распался на несколько голосов. Спрашивали, сколько стоит место на судне и можно ли продать хозяйство после начала весенних работ. Гофман уверял, что дорога через Любек самая надёжная, хотя сам никогда не видел моря. Иоганн слушал и лишь изредка задавал вопросы.

Бауэр долго молчал. Наконец спросил пастора:

— Если я напишу Мюллеру, он ответит?

— Ответит, если письмо дойдёт.

— А если мы приедем, он поможет?

— Иоганну обещал помочь.

Все посмотрели на Иоганна. Ему это не понравилось.

— Обещал встретить, — уточнил он. — И поискать место. Дома у него для нас нет.

— Значит, хоть один человек там будет знакомый, — сказал Бауэр.

Вагнер усмехнулся:

— Через две тысячи вёрст один знакомый человек. Богатство.

— Вчера и одного не было.

Клаус собрал письма в стопку, перевязал бечёвкой и убрал карту. Это подействовало лучше всяких просьб о тишине.

— Решения за вас здесь никто не примет, — сказал он.

— Хотите знать моё мнение — не верьте человеку, который обещает лёгкую жизнь. Ни здесь, ни в России. Всё остальное проверяйте сами.

На обратном пути Бауэр говорил мало. У поворота к его дому он попросил остановить сани.

— Марте пока ничего не скажу, — признался он, слезая.

— Она спросит.

— Тогда скажу, что ничего не узнал.

— Это будет почти правдой.

Бауэр усмехнулся разбитой губой и пошёл к воротам.

Иоганн поехал дальше один. Мороз ослаб, с веток падал мелкий снег. Возле кузницы стучал молот, у школы бегали дети, на мостике через ручей двое мужчин меняли расшатавшуюся доску. Деревня занималась своими делами и не требовала от него никакого решения. Весной нужно было пахать, летом косить, осенью снова считать зерно. Всё было известно заранее, кроме того, хватит ли следующего урожая расплатиться за предыдущий.

Он вернулся домой перед сумерками.

* * *

Анна сидела у окна и штопала рубаху Фридриха. Генрих с Вильгельмом спорили возле печи, кому первому сушить промокшие рукавицы. Карл пытался вытолкнуть обоих локтем и одновременно поджаривал на железной лопатке кусок хлеба. Фридрих за столом чинил ремень. Адольф, устроившись возле стены, строгал узкую дощечку одной рукой. Доска выскальзывала, нож шёл поперёк волокон и оставлял рваный край.

Анна первой заметила мужа.

— Ну?

Иоганн снял тулуп.

— Нож положи, — сказала она Адольфу.

— Я почти закончил.

— Поэтому положи сейчас, пока не начал сначала с другой рукой.

Адольф нехотя убрал нож. Иоганн подошёл, взял дощечку и посмотрел на неровный паз.

— Что это?

— Хотел сделать защёлку для ящика.

— Для какого?

— Для своего.

— Ящик пока никуда не уходит.

— Я знаю.

Иоганн вернул ему дощечку. Карл подал отцу поджаренный хлеб, но тот оказался чёрным с одной стороны.

— Себе оставь.

— Я для тебя старался.

— Тем более жалко отнимать.

Фридрих усмехнулся, не поднимая головы. Карл соскочил ножом горелую корку и съел хлеб сам.

За ужином Иоганн рассказал только главное. Готового дома никто не обещал. Дорогу семья оплачивает сама. Мюллер может встретить и помочь найти жильё и землю. Первые годы у переселенцев выходили тяжёлыми, иногда хуже, чем здесь.

— Тогда Крюгер всё равно едет? — спросил Фридрих.

— Говорит, что едет.

— А Бауэр?

— Сегодня не решил.

— А ты? — спросил Карл.

Иоганн посмотрел на Анну.

— После ужина поговорим.

Дети ещё некоторое время сидели за столом, ожидая продолжения. Его не последовало. Анна велела Генриху принести воды, Вильгельму — убрать сапоги от печи. Фридрих закончил ремень и проверил пряжку. Карл несколько раз принимался что-то говорить, но каждый раз находилось дело, которым мать прерывала его раньше первого слова.

Когда младшие ушли наверх, старшие тоже разошлись. Адольф забрал дощечку и нож.

— Нож оставь, — напомнила Анна.

— Я только покажу Генриху.

— Покажешь утром.

Он положил нож на полку и поднялся по лестнице. Через минуту наверху зашкрипела кровать, кто-то шикнул, потом Вильгельм засмеялся. Анна прислушалась, но вмешиваться не стала.

Иоганн сел за стол. Анна закончила штопать рубаху, откусила нитку и разгладила ткань на коленях.

— Значит, Мюллер не солгал, — сказала она.

— Не солгал.

— Но и жить за нас не станет.

— Не станет.

Она сложила рубаху и положила на край стола.

— Сколько будет стоить дорога?

Иоганн назвал сумму, которую услышал у пастора. Анна переспросила. Он повторил.

— Если продадим дом?

— Хватит на дорогу и останется на первое время.

— Если продадим хорошо.

— Да.

— А если плохо?

— Тогда продадим ещё одну лошадь.

Анна посмотрела в сторону конюшни, словно могла увидеть её сквозь стену.

— До Любека на чём поедem?

— Одну продадим перед самым отъездом. Вторую вместе с телегой — в порту или раньше, если найдётся покупатель.

— А дети?

— В телеге.

— Все?

— По очереди. Старшие пойдут рядом.

Анна стала складывать со стола деревянные ложки. Одну положила поверх другой, потом снова разъединила.

— Мать ты возмёшь с кладбища? — спросила она.

Иоганн поднял глаза.

— Что?

— Ты говоришь: дом продадим, лошадь продадим, детей посадим в телегу. А родители останутся здесь.

— Останутся.

— И мои тоже.

Иоганн кивнул. Анна провела пальцем по краю ложки и положила её рядом с остальными.

Иоганн положил ладони на стол. Доски были тёплыми возле печи и прохладными у самого края. Этот стол они купили вскоре после свадьбы. Фридрих, ещё маленький, однажды вырезал на нижней перекладине две косые полосы. Анна тогда рассердилась; теперь полосы давно потемнели и почти слились с деревом.

— Если не получится, вернёмся, — сказал он.

Анна посмотрела прямо на него:

— Куда?

Ответа не было. После продажи дома возвращаться пришлось бы к чужому порогу. Землю отдадут другому арендатору. Долги останутся, даже если дорога съест последние деньги.

— Значит, вернуться не получится, — сказал Иоганн.

Анна положила ложку на стол. Больше они об этом не говорили.

Сверху донёсся глухой удар, затем возмущённый голос Карла. Похоже, кто-то бросил сапог через комнату. Анна подняла голову.

— Если сломают кровать до отъезда, оставим её хозяину

бесплатно.

Иоганн улыбнулся. Она тоже, но ненадолго.

— А если останемся? — спросила Анна.

Он знал этот расчёт. Если весна окажется удачной, они протянут ещё год и отдадут часть долга. Если урожай снова подведёт, придётся занять зерно, продать вторую лошадь или отправить старших в наём. Дом пока останется, только жить в нём будут всё теснее.

— Тогда весной снова займём на посев, — сказал он.

— Если дадут.

— Дадут под будущий урожай.

— А будущий урожай уже будет не наш.

Иоганн провёл ладонью по лицу. За день щетина стала жёсткой, на висках ныла усталость.

— Я не хочу увозить вас из дома ради письма.

— Тогда не ради письма.

— А ради чего?

Анна встала, отнесла ложки к полке и вернулась.

— Ради того, чтобы через год не пришлось ехать уже без денег и без лошади.

Он посмотрел на неё. В комнате было тихо, только ветер иногда прижимал к стеклу сухую ветку яблони. Наверху дети наконец уgomонились.

— Ты хочешь ехать? — спросил Иоганн.

— Я хочу остаться.

Он опустил глаза.

— Но оставаться нельзя только потому, что я этого хочу,
— продолжила Анна. — Так же как ехать нельзя только потому, что Мюллеру повезло.

— Тогда что остаётся?

— Посчитать, что у нас есть здесь. Ты уже посчитал.

Иоганн повернул письмо на столе. Оно лежало рядом с рубахой Фридриха, на которой Анна только что заштопала прореху.

— Весной надо будет начинать с нуля, — сказал он.

— Здесь мы тоже начинаем каждую весну с долга.

Анна потянулась к свече и поправила фитиль. Свет стал ярче, на стене качнулась тень.

— Поедем, — сказал Иоганн.

Слово прозвучало тише, чем он ожидал. Дом никак на него не ответил. В печи потрескивали дрова, на полке стояли миски, наверху кто-то ворочался во сне.

Анна села напротив.

— Весной?

— Как только дорога подсохнет.

— Сначала напишешь Мюллеру.

— Завтра.

— И пастору. Пусть узнает про судно.

— Хорошо.

Она взяла рубаху Фридриха и ещё раз проверила шов, хотя проверять было нечего.

— Иоганн.

— Что?

— Детям скажем утром.

Он кивнул.

Они погасили свечу и поднялись наверх. В темноте Иоганн задел плечом дверной косяк, который сам поставил много лет назад. Раньше он никогда его не замечал.

Утром дети проснулись от стука во дворе.

Иоганн вывел телегу из-под навеса, снял со стены скобель и осматривал разошедший задний борт. Один из поперечных брусьев треснул возле железной скобы. До весенней пахоты телега ещё могла стоять, но долгой дороги такой брус не выдержал бы.

Адольф вышел на крыльцо, придерживая перевязанную руку у груди. Волосы у него торчали после сна.

— Зачем чинишь? — спросил он. — До весенних работ ещё далеко.

Иоганн провёл пальцем по трещине, примерил лезвие и ответил:

— До весенних — далеко. До дороги — нет.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.